

3/1983

ISSN 0006-1808

БИБЛИОТЕКАРЬ

БИБЛИОТЕКАРЬ

С праздником!

8

августа

Библиотека

В. А. Жуковского

Круглые даты располагают к подведению итогов. Двухсотлетний юбилей Жуковского, который мы отмечаем в этом году, побуждает оглянуться на достижения науки последних лет в деле изучения наследия этого замечательного русского поэта, вспомнить, чем обогатились наши представления о его личности и творчестве. Без всякого преувеличения можно сказать, что выход книги

«Библиотека В. А. Жуковского в Томске» стал этапной вехой в развитии отечественного «жуковсковедения».

Сборник, появившийся в 1978 году, представляет собой первоначальные итоги освоения книжного собрания Жуковского, сосредоточенного сейчас в основном в библиотеке Томского университета. К сожалению, до сих пор не вышли из печати ни анонсированное в книге научное описание библиотеки Жуковского, ни второй том самого исследования, где должны быть детально разработаны многие важные вопросы,

лишь затронутые в первом. Однако и того, что уже сделано и издано, более чем достаточно для того, чтобы вполне оценить важность и значение предпринятых изысканий.

По словам ответственного редактора сборника профессора Ф. З. Кануновой, «богатый и совершенно неисследованный материал библиотеки Жуковского поражает своим разнообразием. Это развернутые маргиналии и дневниковые записи на полях, форзацах и обложках книг, подстрочные переводы, следы авторской и редакторской правок в книгах Жуковского и его современников, подчер-

кивания, исторические таблицы, библиографические списки и т. д. Многие книги таят целые страницы неизвестных ранее переводов, планов, набросков, конспектов».

Читатели могут познакомиться как с самими текстами Жуковского, впервые обнаруженными на книжных страницах, так и с первыми результатами их истолкования. При этом авторы статей опираются в своих размышлениях не только на материалы томской библиотеки, но и на сравнительно небольшую часть книжного собрания Жуковского, хранящуюся в ленинградском Институте русской литературы (Пушкинский дом), и, прежде всего, на обширный и все еще недостаточно изученный архив поэта. И надо сказать, что результаты исследования полностью оправдывают избранный принцип подхода. В облике Жуковского, поэта, мыслителя и человека, открывается целый ряд прежде неизвестных черт.

Так, например, мы по существу не располагали литературно-полемическими выступлениями Жуковского. Поэт избегал принимать участие в дискуссиях, кипевших вокруг него на протяжении его долгой жизни. Записи и пометки на полях трактата А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге» раскрывают перед нами Жуковского — полемиста, раскрывают его своеобразный диалог с самым видным представителем «архаического» направления в русской литературе того времени, помогают понять становление лингвистической и литературной позиции поэта.

Исключительно интересны свидетельства о редакторской деятельности Жуковского. В книге тщательно рассмотрена подготовительная работа, которую провел Жуковский над изданием собрания сочинений М. И. Муравьева, талантливого поэта, одного из родоначальников сентиментально-преромантической поэзии в России. Не очень значительная в количественном отношении, но тонкая и последовательная правка, которую осуществил Жуковский в тексте муравьевских произведений, показывает, как поэт, так сказать, «романтизировал» своего предшественника, освобождая его творче-

ство от характерных проявлений сенсуализма XVIII века, свойственного мировоззрению Муравьева.

Иной характер носит работа Жуковского с трагедией В. А. Озерова «Дмитрий Донской». Внося на страницы одного из изданий «Сочинений» этого чрезвычайно популярного в ту пору драматурга свои поправки, Жуковский не преследовал никаких практических целей. Это была своего рода лабораторная работа для себя, и анализ изменений, которые Жуковский внес в текст Озерова, позволяет понять представление поэта о сущности и назначении исторической драмы.

Пожалуй, еще более значительные результаты дало обращение к иностранной части библиотеки Жуковского, особенно к сочинениям Гердера. Здесь было обнаружено неизвестное произведе-

ние русского поэта — обширный (почти в 1000 стихов) перевод гердеровской обработки испанских народных романов о Сиде, выполненный прямо между строками немецкого текста. Эта поэма, несомненно, займет достойное место во всех изданиях переводов Жуковского.

Обращение к гердовским книгам из собрания поэта позволило также установить, что несколько известных стихотворений Жуковского также представляют собой переводы. Набросанные прямо на полях тома стихов Гердера, они помогают не только проникнуть в творческую лабораторию Жуковского-переводчика, но и уточнить прочтение некоторых строчек, до сих пор печатавшихся с искажениями. Наконец, материалы библиотеки Жуковского проливают новый свет на умонастроения, владевшие им в 20-х — 30-х го-

дах и его общественную позицию. Положение воспитателя наследника престола и вытекавшие отсюда тесные контакты Жуковского с придворными кругами, порой создают у нас превратное представление о месте поэта в общественной жизни России в николаевскую эпоху. Советскими учеными уже сделано многое для уяснения подлинного характера взглядов и исканий Жуковского, — изучение круга его чтения, его помет и маргиналий еще раз неоспоримо доказывает глубокую неудовлетворенность поэта состоянием дел в стране, его постоянные поиски источников, опираясь на которые, он мог бы внушить наследнику сознание необходимости просвещенного и законного правления, уважения к личности человека и правам народа. Известно, что такие попытки поставили Жуковского в крайне отчуж-

денное положение при дворе.

Естественно, в кратком обзоре невозможно охватить все разнообразие тем книги. Но нельзя не сказать, что работа томских ученых — еще далеко не законченная — представляет собой превосходный образец сочетания библиоведческого и литературоведческого подходов к книжному собранию крупного деятеля культуры прошлого. Сейчас уже бесспорно, что анализ таких собраний предоставляет ученым поистине огромные возможности. Однако, не так часто доводится встретить работы, где эти возможности были бы в полной, или хотя бы в значительной мере реализованы. «Библиотека» В. А. Жуковского в Томске принадлежит к немногочисленному еще кругу исследований такого рода.

А. ЗОРИН

Читатель редкого дарования

В этом году отмечается 450-летие со дня рождения Мишеля Монтеня (1533—1592), крупнейшего французского философа эпохи Возрождения. Он написал три книги «Опытов», в которых подверг сомнению религиозные догмы и неверие в человеческий разум, оказал влияние на французских просветителей XVIII века.

Особый интерес представляет собой Монтень как читатель, поучительны и методы его работы с книгой.

В «Опытах» (глава «О книгах») Монтень вводит нас в круг своего чтения. Он доверительно и подробно рассказывает о своих сомнениях, интересах и привязанностях, откровенно высказывает свое мнение о том или ином писателе.

Интересна была манера его чтения. Монтень признавался, что не любил трудного чтения, того, что не усваивается сразу. Ему хотелось все читать «легко и весело». Если же он долго вникал в текст, то это его утомляло, внимание рассеивалось, он даже начинал хуже видеть.

Гельвеций, для которого Монтень был единственным любимым автором, отмечал, что хотя Монтень и обладал весьма слабой памятью, но будучи движимый «жаждой знания», достиг того, что сумел вложить «в свою память количество фактов и идей, достаточное, чтобы занять место среди людей ода-

ренных необыкновенной памятью».

Именно жажда знания заставила его стать добровольным затворником и посвятить свою жизнь упорному умственному труду, изучению книг. В «Опытах» с необыкновенной легкостью и непринужденностью Монтень цитирует древнегреческих и древнеримских авторов, все цитаты приводит на память. Читал он как исследователь. Сомневался, например, в том, что автором диалога «Аксиох» был Платон, а одной из глав «Энеиды» — Вергилий. Позднейшие исследователи подтвердили догадку Монтеня. Он был взыскательным читателем. Если в детстве его занимали испанские рыцарские романы, то с годами он к ним охладел. Что же касается многочисленных переложений рыцарских романов, распространенных в его эпоху, то их Монтень называет дрянными книжонками. Он редко

читал современных ему авторов, заявляя, что «древние мне кажутся более содержательными и тонкими».

Особое отношение у Монтеня к поэзии. Он пишет: «Я бесконечно люблю ее и достаточно хорошо разбираюсь в произведениях». Выше всех он ставил Гомера, называя его произведения самыми замечательными в мире. Так же на первое место в поэзии Монтень выдвигает Вергилия, Лукреция, Катуллу и Горация, выделяя «Георгики» Вергилия, как самые совершенные произведения. В Лукиане его привлекали правильность суждений, а Эзопа он считал поэтом редкого дарования. Особенно нравились Монтеню у древних авторов строгость языка и отсутствие напыщенности.

Другие книги помогали ему «развивать свои мысли и понятия». Он зачитывался Плутархом и Сенекой. Произведения этих писателей читаются легко, — можно прерываться на любом месте.

Из древних философов Монтень выделял Платона, его чаще всех цитирует в «Опытах». У Платона он учится независимости образа мыслей и свободе высказываний. Все же он находит диалоги Платона тучными и признается: «Я вообще отдаю предпочтение книгам, которые используют достижения наук, а не тем, которые

создают сами эти науки». Вот почему ему близки такие авторы как Плутарх, Сенека, Плиний.

Читал Монтень всегда «с карандашом» в руках. Он объясняет это плохой памятью, но в то же время показывает пример более плодотворной работы с книгой. Он записывал свои замечания о прочитанном, дату окончания чтения, а также общее суждение о книге.

Излюбленным его чтением были книги по истории и жизнеописания. В них его привлекало то, что человека можно было увидеть более выпукло и ярко. По истории Монтень советует читать различных авторов, как новых, так и старых для всестороннего рассмотрения событий.

Год за годом в своей библиотеке, в чтении и раздумьях Монтень создает свои знаменитые «Опыты» — сборник записанных размышлений, подкрепленных изречениями из многочисленных источников. Он как бы стремится осуществить девиз древних философов «Познай самого себя». «Я не ищу никакого другого удовольствия от книг, кроме разумной занимательности, и занят изучением только одной науки, науки самопознания, которая должна меня научить хорошо жить и хорошо умереть!»

В. ИВЛЕВ